

Рѣчь, сказанная предъ перенесеніемъ тѣла пресвященнаго архіепископа Григорія, 15 апрѣля.

Блаженъ путь, въ онъ же идеши, душе!

Еще немного времени остается, когда Святая Церковь устами священнослужителя и пѣвцовъ церковныхъ сію возделънную для отходящихъ ко Господу пѣнь возгласитъ и тебѣ, дорогой нашъ архипастырь. Да, во истину блаженъ этотъ, ведущій тебя къ вѣчному успокоенію, послѣдній путь твой, на который вступилъ ты по призванію Троицкаго Бога и къ которому устремился уже еще задолго предъ симъ, въ 1868 году, когда узрѣвъ, что приближаешься къ этому пути, для другихъ неготовыхъ столь страшному, но для тебя, вѣрный рабъ Божій, возделънному, ты составилъ, на случай кончины своей долженствующее служить конечнымъ твоимъ дѣломъ, то духовное писаніе, въ которомъ вся душа твоя изливается въ возвышенной молитвѣ къ Творцу, Промыслителю и Судии Богу и затѣмъ ты обращаешься къ паствѣ своей съ посмертнымъ, глубоко трогательнымъ и смиреннымъ словомъ. Слово это услышать пасомые твои при твоёмъ погребеніи. Но мы въ настоящую минуту прощанія и разставанія съ тобою въ сей обители твоей, гдѣ паства твоя столь давно пріобыла получать блага правды, растворенной милостію, и дары отеческой любви твоей, высокаго архипастырскаго утѣшенія и назиданія твоего, никакъ не можемъ понять, затѣмъ ты такъ неожиданно оставляешь насъ, никакъ не можемъ помириться съ мыслию, что ты, добрый и милостивый нашъ архипастырь, навсегда отходишь отъ насъ, оставляя насъ теперь сирыми. Мы знаемъ, что горячо любилъ ты паству свою, что изъ за этой любви ты неоднократно отрекался отъ поступленія на другія высшія каѣдры, гдѣ тебѣ, можетъ

быть, ожидали большія почести архипастырскаго служенія и откуда тебѣ, можетъ быть, предстояло достиженіе высокой іерархической степени. Мы увѣрены, что кромѣ твоего, глубоко въ тайникѣ души твоей скрывавшагося смиренія, именно неопределимое желаніе послужить одной Богомъ врученной тебѣ паствѣ, съ которою Господь судилъ тебѣ завязать столь крѣпкій союзъ взаимной любви, увѣрены, что это было столь, можно даже сказать, важнѣйшею причиною твоего такого же уклоненія отъ вышнихъ почестей, какое обычно было, въ подобныхъ обстоятельствахъ, у древнихъ богумудрыхъ отцовъ церкви. Не смотря и на сію увѣренность, мы рѣшились бы, хотя и съ глубокою скорбію сердецъ нашихъ, помириться съ мыслию о разлуцѣ съ тобою, если бы ты, по необходимому требованію высшей церковной власти, отходилъ отъ насъ только по земному пути въ другое мѣсто архипастырскаго служенія: мы тогда имѣли бы возможность, если не зрѣть тебя лицомъ къ лицу, то покрайней мѣрѣ получать вѣсти о тебѣ и утѣшать себя радостію слыша о такомъ же, какъ здѣсь, богомудромъ управленіи тобою иною паствою, объ установившихся между ею и тобою тѣхъ же привязанностяхъ, какими скрѣплены были взаимныя наши съ тобою отношенія; а нѣкоторыя, особенно преданныя тебѣ и духовноруководимыя тобою лица не преминули бы сокращать горесть разлуки съ тобою, посѣщая тебя хотя бы и въ далекомъ иномъ мѣстѣ служенія твоего.

Но вотъ что для любящей паствы твоей представляется особенно неутѣшнымъ: ты совершенно долженъ скрыться отъ взора и слуха нашего. Какая горькая, но неизбѣжная необходимость! Оставишь ли намъ хотя какой-нибудь слѣдъ отъ остающаго шествія твоего по тому пути, на который вступи-

пиль уже, иля къ блаженству? Что блаженнаго будетъ изъ того для твоихъ пасомыхъ, остающихся продолжать земную жизнь и дѣйствовать безъ тебя, руководительнаго пастыря и усерднаго богомольца нашего? Что рѣчиши что возлагалеси теперь намъ на сіе въ утѣшеніе наше?

Безмолствуютъ теперь твои святительскія уста! Необходимо законъ смерти сомкнулъ ихъ навсегда! Но бессмертный духъ твой, витающій еще среди насъ, таинственно вѣщаетъ душамъ нашимъ, и мы вотъ что понимаемъ изъ этихъ вѣщаній. „Уне есть вамъ, да азъ иду, вѣщаешь ты намъ духомъ своимъ; да не смущается сердце ваше, ни устрашаетъ; вѣруйте въ Бога и въ Его премудрое промысленіе какъ вообще о всемъ мірѣ, такъ въ особенности о совершеннѣйшихъ земныхъ Его твореніяхъ, людяхъ. При жизни своей, я непрестанно молился о благоденствіи паствы моей и всего отечества моего; теперь я отхожу къ Отцу небесному умолять Его, да ниспошлетъ вамъ свои утѣшенія въ настоящее трудное, мятежное, грустное время, да помилуетъ васъ и всѣхъ сыновъ Россіи отъ угрожающихъ бѣдъ и несчастій. Ослабленіе вѣры, сильный упадокъ нравственности, дерзкіе возстанія и мятежи противъ богоучрежденной верховной государственной власти, дьявольскія стремленія заклятыхъ враговъ колебать могущество Россіи, разрушить существующій въ ней и государственный, и церковный, и общественный, и семейный строй, благодаря каковому святому сѣмени стоянія она болѣе тысячи лѣтъ стояла твердо и непоколебимо, — все это ужасное современное зло такъ сильно разлилось всюду, что для подавленія его потребны не однѣ земныя, но и небесныя молитвы. И вотъ я, сокрываемый подъ сѣнію общественного храма паствы моей, посвященнаго имени Трив-

постаснаго Бога, отхожу молитъ о семь благость и милосердіе этого Бога .

Внимаемъ, святителю Божій, сему довольному для утѣшенія нашего ввѣщанію твоему. Страшное, безпримѣрное въ исторіи злодѣяній, мартовское событіе, дѣйствительно до глубины поразило сердце твое, нанесло ему невыносимыя раны. Мощный духъ твой сильно сокрушился подъ ударами поразившаго всю Россію гора. Жизнь твоя видимо стала угасать. Кромѣ общественно-церковныхъ моленій объ упокоеніи чистой души Монарха—Мученика, такъ дьявольски—злобно умерщвленнаго злодѣями въ Его столицѣ, на глазахъ преданнаго Ему народа, на улицѣ, на другой день послѣ принятія имъ Святыхъ Тайнъ Христовыхъ, ты самъ отъ сеоя заказывалъ соборному причту, вслѣдъ за девятымъ днемъ по кончинѣ Государя—Праведника, служить въ присутствіи твоемъ въ церкви, въ теченіи седмицы, паннихиды по убиенномъ Царѣ, да помолится и Онъ царственною молитвою тамъ на Небѣ о спасеніи Россіи отъ грозящихъ бѣдъ. Не довольствуясь симъ, ты вслѣдъ затѣмъ приступилъ къ особеннымъ моленіямъ Царю-Царей о здравіи и спасеніи Царя—Сына, повелѣвая также служить въ соборной церкви, послѣ тѣхъ или другихъ церковныхъ богослуженій, молебны съ возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору, въ трудную минуту принявшему на Себя бразды правленія дѣлами государственными, и молился тогда, да Всемогущій Богъ отвратить отъ Него руки злодѣевъ и Самъ да поможетъ Ему умирить Россію. Не говоримъ уже про моленія твои о семь же въ уединенной келліи твоей: ты тамъ весь погружался въ молитву за Царя и Отечество.

Великій святителю! Мы вѣримъ, что своею благочестною жизнію, своимъ усердіемъ къ совершенію тобою праздни-

ныхъ божественныхъ службъ, своими постоянными посѣщеніями всѣхъ будничныхъ богослуженій, своимъ рѣдко-примѣрнымъ исполненіемъ архипастырскаго долга, своимъ горячимъ нищелюбіемъ, своею святительскою помощію: безпомощнымъ вдовамъ и сиротамъ духовнаго сословія и даже другихъ сословія, наконецъ принятіемъ предъ смертію съ живою вѣрою и благоговѣніемъ, святыхъ Таинствъ исповѣди, причащенія Тѣлу и Крови Христовой и Елеосвященія, ты такъ очистилъ душу свою, что она приобрѣла силу непостыдно, съ великимъ дерзновеніемъ предстать предъ престоломъ Божиимъ, а горячая любовь твоя къ паствѣ твоей и всецѣлая преданность Царю и Отечеству намъ вполне вѣдомы. Внемля послѣднему таинственному вѣщанію твоему о цѣли столь неожиданнаго отшествія твоего отъ насъ, мы готовы съ миромъ отпустить тебя по глаголу твоему, только отъ себя молимъ тя: молись у Престола Божія за паству твою, юже тако возлюбилъ еси, молись за Царя нашего и за Отечество наше, имъ же крѣпко преданъ былъ, молись объ охраненіи и утвержденіи церкви Россійской, яко вѣрней сынъ ея и единъ отъ истинныхъ пастырей ея! Мы готовы теперь подъять тебя на рамена свои и перенести въ храмъ твоея кафедры. Благослови насъ на сіе, владыко святой.

Калужскаго кафедральнаго собора

протоіерей *А. Колбесинъ.*